

Книги
ЭНДРЮ ТЕЙЛОРА

Расследуют
Джеймс Марвуд и Кэт Ловетт

Лондон в огне

Огненный суд

Королевский порок

Последний защитник

Королевская тайна

Тени Лондона

Анатомия призраков

Загадка Эдгара По

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

Вагадка
ЭДГАРА ПО

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 30

Andrew Taylor
THE AMERICAN BOY
Copyright © Andrew Taylor, 2003
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Власовой
Оформление обложки Ильи Кучмы

Тейлор Э.

Т 30 Загадка Эдгара По : роман / Эндрю Тейлор ; пер. с англ. Н. Власовой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-30003-3

Англия времен Регентства, 1819 год. Вопреки отсутствию рекомендаций Томас Шилд получает место помощника учителя в пригороде Лондона. Среди его учеников — юный американец Эдгар По, приемный сын Алланов, и его лучший друг, избалованный неженка Чарльз Франт. Мальчики удивительно похожи друг на друга... Томас влюбляется в красивую, но не слишком счастливую мать Чарльза и постепенно увязает в паутине чужих семейных тайн и интриг. Когда на задворках столицы находят обезображенный труп, все улики указывают на семью Франт. Поневоле втянутый в эту запутанную историю, Шилд понимает, что у него более чем достаточно причин для беспокойства. А вскоре выясняется, что в центре этих жутких событий фигурирует маленький американец...

Книга входит в топ-10 лучших детективных романов десятилетия по версии *Sunday Times*.

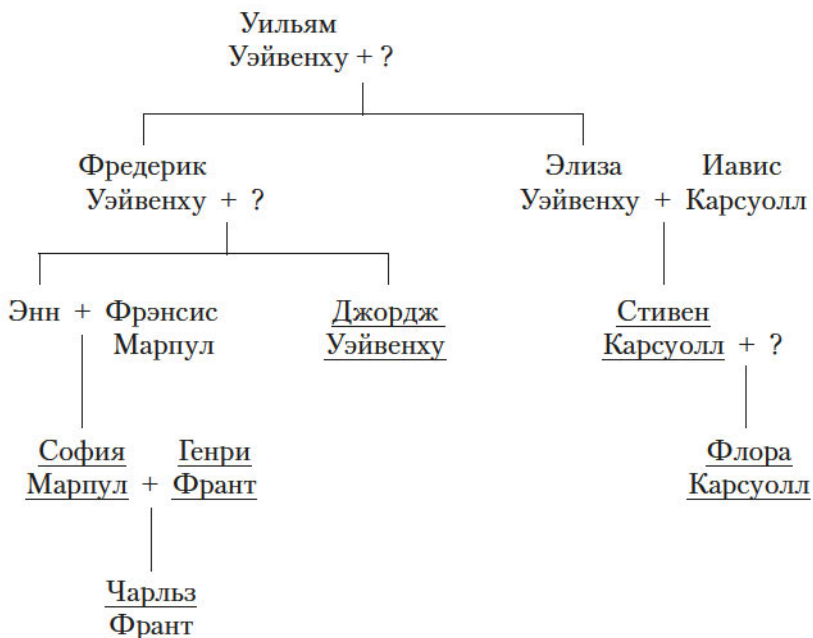
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Н. Власова, перевод, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30003-3

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО СЕМЕЙСТВА УЭЙВЕНХУ

1819 год

Примечание: подчеркнуты имена тех членов семьи, которые были живы в сентябре 1819 года.

Наш долг, как учит Вольтер, — уважать живых и говорить правду о мертвых. Но правда такова, что мир вокруг нас меняется, а мы и не замечаем этого, занятые лишь собственными делами.

Впервые я увидел Софию Франт в двенадцатом часу в среду, 8 сентября 1819 года. Она выходила из дома в городке Сток-Ньюингтон и на мгновение застыла в дверном проеме — словно картина в тяжелой раме. Что-то в темноте прихожей заставило ее остановиться, может быть чье-то слово или резкое движение.

Я сразу же заметил ее глаза. Огромные, синие. Но потом и остальные подробности врезались в память, словно шипы, впивающиеся в ткань пальто. Эту женщину нельзя было назвать ни высокой, ни миниатюрной. Лицо бледное, с четкими правильными чертами. На ней была изящная шляпка, украшенная цветами, платье с белой юбкой, рукавами-буфами и бледно-голубым лифом, гармонировавшим по цвету с кожаной туфелькой, выглядывавшей из-под подола. В правой руке — пара белых перчаток и небольшой ридикюль.

Я услышал, как лакей соскочил с козел кареты и с грохотом опустил складную лесенку. Полный мужчина средних лет, весь в черном, догнал даму на пороге и подал руку, помогая спуститься по ступеням. На меня они даже не взглянули. С другой стороны тропинки, ведущей к дому, рос

низкий кустарник, окруженный кованой оградой. Я ощутил надвигающийся приступ дурноты и ухватился за один из железных прутьев.

— Уверяю вас, мадам, — говорил мужчина, словно продолжая разговор, начатый в доме, — у нас тут все равно что в деревне, и воздух исключительно свежий.

Незнакомка бросила на меня взгляд и улыбнулась. Я так удивился, что забыл поклониться в ответ. Лакей открыл дверцу, и толстяк снова подал даме руку, помогая сесть в карету.

— Благодарю вас, сэр, — тихо сказала она. — Вы были столь терпеливы.

Собеседник в ответ поклонился, не выпуская ее ладони:

— Ну что вы, мадам. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет мистеру Франту.

Я стоял в двух шагах как последний болван. Лакей закрыл дверцу, поднял лесенку и взобрался на свое место. Деревянная карета была выкрашена в голубой цвет, а ее позолоченные колеса сияли так ярко, что больно смотреть.

Кучер отвязал поводья, намотанные на кнут, и пара одинаковых гнедых, таких же блестящих, как его цилиндр, поскакали, звеня копытами, по направлению к Гай-стрит. Толстяк поднял руку на прощанье, но скорее не помахал, а осенил крестом. Когда он повернулся и пошел к дому, его взгляд обратился ко мне.

Я выпустил железный прут ограды из рук и сдернул шляпу:

— Мистер Брэнсби? Я имею честь...

— Имеете. — Он уставился на меня молочно-голубыми глазами, наполовину скрытыми под отекавшими красноватыми веками. — А что вам угодно?

— Меня зовут Шилд. Томас Шилд. Моя тетушка, миссис Рейнолдс, написала вам, и вы любезно ответили...

— Ах да. — Преподобный мистер Брэнсби подал палец¹ и оглядел меня с ног до головы. — Вы совершенно на нее не похожи.

Он проводил меня по тропинке в дом, и мы оказались в прихожей, стены которой были украшены деревянными панелями. Откуда-то из глубины доносились звуки пения. Мистер Брэнсби открыл дверь, располагавшуюся по правую руку, и прошел в помещение, отданное под библиотеку, с турецким ковром на полу и двумя окнами, выходящими на дорогу. Он тяжело опустился в кресло, вытянул ноги и сунул два коротких толстых пальца в правый карман жилета.

— Вы кажетесь усталым.

— Я шел пешком от Лондона, путь неблизкий.

— Присядьте. — Мистер Брэнсби вытащил табакерку из слоновой кости, взял из нее понюшку табака, а потом чихнул в платок, испещренный коричневыми полосами. — Значит, вы хотите у нас работать, правильно?

— Да, сэр.

— Но миссис Рейнолдс считает, что есть как минимум две веские причины, почему вы совершенно не подходите ни на одну из должностей, которые я мог бы предложить.

— Если вы позволите, я попробую все объяснить.

— Ну, так сказать, факты говорят сами за себя. Последнее место вы покинули, не получив рекомендаций. А совсем недавно, если я правильно понял вашу тетушку, вы чуть ли не в Бедламе² лежали.

¹ По традиции того времени, приветствуя равного, полагалось подавать два пальца; мистер Брэнсби не считает Шилда равным себе, потому подаст один палец. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Бедлам* — изначально английский монастырь, впоследствии служил госпиталем, где нередко содержали и душевнобольных. В 1547 г. Бедлам был передан со всеми своими доходами Лондону в качестве психиатрической лечебницы.

— Оба ваших обвинения справедливы, сэр, но моему поведению есть объяснение, кроме того, существует ряд причин, почему это произошло и почему больше не произойдет.

— У вас есть две минуты, чтобы убедить меня.

— Сэр, у моего отца была аптека в Розингтоне, дела шли успешно, и одним из постоянных клиентов был каноник местного собора, по рекомендации которого меня приняли в грамматическую школу, а после ее окончания я поступил в кембриджский Колледж Иисуса.

— Вы получали стипендию?

— Нет, сэр. Отец помогал. Он понимал, что у меня нет таланта к торговле и аптечному делу, и надеялся, что со временем я приму духовный сан. К несчастью, в конце первого семестра он умер от сыпного тифа, и оказалось, что его дела находятся в весьма плачевном состоянии, так что мне пришлось уйти, не получив диплома.

— А как же ваша матушка?

— Она умерла, когда я был еще ребенком. Но директор грамматической школы, знавший меня с детства, дал мне место младшего учителя, позволив преподавать в начальных классах. Несколько лет все шло хорошо, но, увы, мой благодетель умер, а его преемник не был так благосклонен ко мне. — Тут я замялся. Дело в том, что у нового директора имелась дочь по имени Фанни, воспоминания о которой до сих пор вызывали боль. — Мы разошлись во мнениях... по одному вопросу, сэр, если не вдаваться в подробности. Я наговорил кучу глупостей, о чем тотчас же пожалел.

— Так обычно и бывает, — заметил Брэнсби.

— Случилось это в апреле тысяча восемьсот пятнадцатого года, именно тогда я и согласился на предложение вербовщика.

Брэнсби взял еще одну понюшку.

— Вероятно, он напоил вас до такой степени, что вы практически вырвали королевский шиллинг из его рук¹ и отправились в одиночку воевать с чудовищем Бонапартом. Что ж, сэр, вы предоставили мне достаточно доказательств того, что вы безрассудный упрямый юноша, воинственный и не умеющий пить. А теперь перейдем к рассказу о Бедламе.

Я сжимал плотные поля шляпы, пока они не смялись.

— Сэр, я никогда в жизни не был в Бедламе.

Брэнсби нахмурился:

— Миссис Рейнолдс писала, что вас поместили в больницу для умалишенных и вы некоторое время находились там под присмотром врачей. А Бедлам это был или другое учреждение — не важно. Что же довело вас до такого состояния?

— Многие имели несчастье получить ранения во время последней войны. Но так уж случилось, что мои раны были не только телесными, но и душевными.

— Душевными? Вы говорите как застенчивая девица, витающая в облаках. Почему бы не сказать прямо: вы повредились умом.

— Я был болен, сэр, словно метался в лихорадке, и вел себя неосмотрительно.

— Неосмотрительно? Боже правый, вы так это называете? Насколько я понимаю, вы швырнули свою медаль Ватерлоо в офицера гвардейцев на Роттен-роу.

— И очень об этом сожалею, сэр.

Брэнсби чихнул, и его маленькие глазки увлажнились.

— По правде сказать, миссис Рейнолдс была самой лучшей экономкой из всех, кто работал у моих родителей. И в детстве я ни разу не усомнился ни в ее честности, ни

¹ По традиции, если посетитель паба выпивал кружку пива за счет короны и принимал от вербовщика шиллинг, это означало согласие с предложением о службе в армии.

в доброту. Но это вовсе не значит, что я с радостью возьму на работу сумасшедшего пьяницу, чтобы он обучал детей, порученных моим заботам.

— Сэр, но я не сумасшедший и не пьяница.

Брэнсби пристально посмотрел на меня:

— Более того, человека, за которого не замолвили словечко его бывшие работодатели.

— Зато за меня замолвила словечко моя тетушка. Если вы знаете ее, сэр, то поймете, что она сначала взвесила все за и против.

Некоторое время мы молчали. Через распахнутое окно доносился цокот копыт. Муха с громким жужжанием неторопливо рассекала влажный воздух. Я потихоньку запекался в собственном поту: пальто оказалось слишком теплым для такой погоды, но другого у меня не было. Я застегнулся на все пуговицы, дабы скрыть тот факт, что пальто надето на голое тело.

Я поднялся:

— Не смею вас задерживать, сэр.

— Будьте любезны, сядьте. Разговор еще не окончен. — Брэнсби снял очки и стал крутить их в пальцах. — Вы убедили меня взять вас на испытательный срок, а потом уже судить, что вы за человек. — Он говорил резковато, словно речь шла о настоящем суде. — Три месяца вы будете жить на полном пансионе. Кроме того, я выплачу вам авансом небольшую сумму, чтобы вы могли одеться, как подобает младшему учителю в таком учреждении. Если ваше поведение хоть на йоту не удовлетворит меня, вы тотчас же покинете нас. Но если все пойдет хорошо, то через три месяца я, возможно, решу продлить наш договор, и, вероятно, на других условиях. Я четко выразился?

— Да, сэр.

— Позвоните в колокольчик. Вам нужно подкрепиться перед возвращением в Лондон.

Я снова поднялся и дернул за шнурок, болтавшийся слева от камина.

— Скажите, — спросил Брэнсби все тем же резким тоном, — миссис Рейнолдс умирает?

Я почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

— Мы не говорили об этом, но она слабеет с каждым днем.

— Мне жаль это слышать. Она ведь получает небольшую ренту, насколько я понимаю? Не обижайтесь на меня за прямоту, но в таких вопросах я предпочитаю честность.

Грань между честностью и жестокостью очень тонка. Я так и не понял, пересек ли ее Брэнсби. Тут в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул мистер Брэнсби.

Я повернулся, ожидая увидеть слугу, пришедшего на звук колокольчика, но вместо этого в комнату тихо вошел маленький чистенький мальчик.

— Ах, это вы, Аллан. Доброе утро!

— Доброе утро, сэр.

Они с Брэнсби обменялись рукопожатиями.

— Поклонитесь мистеру Шилду, Аллан, — велел Брэнсби. — В ближайшем будущем вы будете часто видеться.

Аллан посмотрел на меня и повиновался. Это был хорошо сложенный мальчик с большими светлыми глазами и высоким лбом. В руке он держал письмо.

— Надеюсь, у мистера и миссис Аллан все хорошо? — спросил Брэнсби.

— Да, сэр. Папенька велел вам кланяться и передать вот это.

Брэнсби взял письмо, взглянул на адрес и кинул конверт на стол.

— Полагаю, после летних каникул вы будете заниматься с удвоенной силой. Леню вам не к лицу.

— Вы правы, сэр.

— *Adde quod ingenuas didicisse fideliter artes...* — Брэнсби ткнул мальчика в грудь. — Продолжите и переведите.

— Простите сэр, я не смогу продолжить.

Брэнсби привычным жестом вlepил мальчику оплеуху и повернулся ко мне:

— Ну, мистер Шилд. Я не прошу вас перевести, но, возможно, вы будете столь любезны и закончите предложение?

— *Emollit mores nec sinit esse fero.* Усердное изучение благородных наук смягчает нравы и не позволяет им ожесточаться.

— Видите, Аллан? Мистер Шилд имеет привычку запоминать прочитанное. «Письма с Понта», книга вторая. Мистер Шилд знает, что говорил по этому поводу Овидий, и вам тоже стоит выучить его слова.

Когда мы остались наедине, мистер Брэнсби вытер остатки нюхательного табака большим перепачканным платком.

— Всегда нужно показывать им, кто тут главный, Шилд, — заметил он. — Запомните это. Мягкость — это хорошо, но она не сослужит добрую службу, если говорить о перспективе. Возьмите, например, Эдгара Аллана. Мальчик старается, этого нельзя отрицать, но родители слишком балуют его. Страшно подумать, каким бы он вырос, если бы мы его должным образом не наказывали. Как говорится в Библии, кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына.

Итак, в течение нескольких минут я получил хорошую работу, обрел новую крышу над головой и впервые встретился с миссис Франт и отпрыском семейства Аллан. Хотя я и отметил еле слышный, но незнакомый моему уху носовой выговор, в тот момент не понял, что Аллан — американец.

Как не понял и того, что миссис Франт и Эдгар Аллан проведут меня, шаг за шагом, в темные глубины лабиринта, туда, где прячутся кошмарные секреты и самые страшные злодеяния.

Но прежде чем я отважусь войти в этот лабиринт, позвольте вкратце рассказать вам о причинах моего помешательства.

Мы с тетушкой не встречались с тех пор, как я учился в школе, тем не менее, когда меня заключили под стражу, я попросил известить именно ее, поскольку других родственников у меня не осталось.

Она выступила в мою защиту в магистрате. Одним из его членов был солдат, склонный к состраданию. Поскольку я действительно швырнул медаль в присутствии целой толпы свидетелей, да еще и орал при этом: «Вы убийцы!» — то мало кто, включая меня самого, сомневался в моей виновности. Офицер гвардейцев оказался мстительным типом, и хотя медаль едва задела его, лошадь, испугавшись, взбрыкнула и сбросила его прямо на глазах у дам.

Поэтому казалось, что единственная дорога к состраданию — признать меня невменяемым. В тот момент я не особо возражал. Магистрат постановил, что я жертва периодических приступов сумасшествия, во время одного из которых я и ранил храброго офицера на черном коне. Члены магистрата пришли к выводу, что эта форма психического расстройства должна поддаваться лечению, поэтому стало возможным освободить меня из-под стражи, поручив заботам тетушки.

Она устроила меня в лечебницу доктора Хейнса, с которым консультировалась во время слушаний по моему делу.

Хейнс оказался вполне гуманным человеком, не любившим сажать пациентов на цепь, словно собак, и обитавшим вместе с семейством в непосредственной близости от лечебницы. «Я согласен с Теренцием, — говорил он мне. — „Homo sum; humani nil a me alienum puto“¹. Да, конечно, у кого-то из этих бедняг есть привычки, которые общество не понимает и не принимает, но мы с ними слеплены из одного теста».

Большинство пациентов были сумасшедшие и слабоумные, некоторые жестоки, иные глупы, но все печальны; помешавшиеся, сифилитики, идиоты, страдающие странными и страшными маниями или резкими перепадами настроения, так называемым *folie circulaire*². Но было несколько и таких, как я, живших отдельно от остальных больных и обедавших вместе с доктором и его женой на их половине.

— Вашему племяннику требуется покой, умеренные нагрузки и полноценное питание, — говорил доктор Хейнс тетушке в моем присутствии, — и он пойдет на поправку.

Сначала я сомневался в его словах. Мои сны заполняли стоны умирающих, страх смерти и ощущение собственной никчемности. К чему мне жить? Чем я заслужил жизнь, если лучшие из мужей пали на поле брани? Сначала ночь за ночью я просыпался мокрый от пота, с бешено колотившимся сердцем, чувствуя, что мои крики все еще висят в воздухе, хотя они уже и стихли. Другие пациенты тоже кричали по ночам, так чем я хуже?

Однако доктор Хейнс сказал, что крики мне на пользу не пойдут, и каждый вечер давал мне настойку опия, чтобы унять тревогу или, по крайней мере, притупить ее. Кроме того, он заставлял меня говорить о том, что я сделал и что видел.

¹ «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» (*лат.*).

² Циркулярное расстройство, состояние человека, когда мания и депрессия сменяют друг друга; один из видов маниакально-депрессивных психозов.

— Неприятные воспоминания, — однажды сказал он, — нужно лечить так же, как отравление несвежей пищей. Лучше очищать от них свой организм.

Я все еще не верил ему, цеплялся за свои страдания, поскольку, кроме них, у меня ничего не было. Я говорил, что ничего не помню, симулировал приступы помешательства, плакал.

Через пару недель доктор ловко сыграл на моих родственных чувствах, сказав, что если бы я взялся обучать его сына и дочерей латыни и греческому по полчаса каждое утро, то он смог бы урезать плату, взимаемую с тетушки за мое содержание. Первую неделю занятий доктор Хейнс с книгой в руках сидел с нами в гостиной, пока я заставлял детей заучивать наизусть грамматические правила и спрягать глаголы. Затем он стал оставлять меня с ними наедине, сначала на несколько минут, а потом все дольше и дольше.

— У вас талант к преподаванию, — как-то вечером сказал мне доктор.

— Я их не жалею и заставляю работать в полную силу.

— Вы делаете так, что им хочется вам понравиться.

Вскоре после этого доктор Хейнс заявил, что сделал для меня все, что мог. Тетушка перевезла меня в свою квартиру на узенькой улочке, ведущей к Стрэнду. Так я поселился в ее уютном гнездышке, словно неопрятный кукушонок с вечно открытым ртом. Днем я сидел в гостиной, а ночью спал там же на софе. Летом вонь, долетавшая с Темзы, казалась просто нестерпимой.

Вскоре я понял, что тетушка не совсем здорова и из-за моей дурацкой выходки с медалью Ватерлоо ей пришлось понести серьезные расходы, да и мое пребывание в ее доме — это обуза, хоть тетушка и старалась не подавать виду. Я слышал ее сдавленные стоны по утрам и видел, как болезнь разрушает ее тело, словно жестокий враг.

Однажды утром, когда мы пили чай, тетушка вернула мне медаль Ватерлоо.

Я почувствовал холод и тяжесть металла на ладони, дотронулся до широкой кроваво-красной ленты с темно-синими полосами по краям, а потом опустил руку и позволил медали соскользнуть на стол и упасть рядом с чайницей.

— Откуда она взялась?

— Ее передал один из членов магистрата, — сказала тетушка. — Тот, что проявил к тебе сострадание. Он тоже служил на Полуострове¹ и сказал, что медаль по праву твоя, ты ее заслужил.

— Но я же выбросил ее.

Тетушка покачала головой:

— Не выбросил, а швырнул в капитана Стэнхоупа.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. — Тетушка добавила чуть ли не с мольбой в голосе: — Ты должен гордиться ею, Том. Ты с честью сражался во славу короля и своей родины.

— Да не было там, черт возьми, никакой чести, — проворчал я, но медаль взял, чтобы сделать приятное тетушке, и сунул в карман. А потом сказал — и это оказалось первым звеном в цепочке последующих событий: — Мне нужно найти работу, я не могу больше сидеть у вас на шее.

В тот период найти хоть какую-то работу было достаточно сложно, особенно ранее судимому психу, оставившему предыдущее место, не получившему рекомендаций и не обладающему ни достаточным опытом, ни влиянием. Но моя тетя когда-то вела хозяйство в доме мистера Брэнсби, который по-прежнему относился к ней с большой теплотой. От этих связей — случайных нитей воспоминаний, привычек и привязанностей, соединивших нас хрупкими незри-

¹ Имеется в виду Пиренейский полуостров, где Англия и Португалия воевали против Наполеона в 1808–1814 гг.

мыми узами, — зависит счастье многих действующих лиц моей истории и даже их жизни.

Я рассказываю вам это, чтобы объяснить, почему 13 сентября, в понедельник, я с готовностью принял предложение поработать младшим учителем в школе Мэнор-хаус в городке Сток-Ньюингтон. Вечером, перед тем как навсегда покинуть тетушкин дом, я решил прогуляться до Сити и оказался на Лондонском мосту. Несколько минут я стоял там, глядя на ленивую серую воду, медленно текущую между сваями, и суденышки, курсирующие взад-вперед. Затем я наконец запустил руку в карман бриджей, извлек оттуда медаль и бросил ее в реку. Я находился на той стороне моста, что обращена вверх по течению. Крошечный диск переворачивался в воздухе, поблескивая в лучах заходящего солнца. Медаль быстро исчезла под водой, словно возвратилась к себе домой. Возможно, ее никогда и не существовало.

— Почему я не сделал этого раньше? — спросил я вслух, и две молоденькие продавщицы, проходившие мимо под ручку, заулыбались.

Я улыбнулся в ответ, они захихикали, подобрали юбки и заторопились прочь. Это были хорошенькие девушки, и я ощутил, как по телу поднимается волна желания. Одна из продавщиц, высокая и темноволосая, чем-то напомнила мне Фанни, мою первую любовь. Девушки неслись словно листья на ветру, а я смотрел, как их фигурки покачиваются под тонкими платьями. Тетушке становится все хуже, подумал я, а я меж тем иду на поправку, словно подпитываюсь ее страданиями.

И снова я пошел пешком, чтобы сэкономить. Свой багаж я заранее отправил почтовой каретой, а сам двинулся в путь по старинной римской дороге, протянувшейся на север от Шордича и ведущей в Кембридж, — Эрмин-стрит. Дома лепились к улице, слепо следуя за нею, словно муравьи за каплями меда.

Примерно в миле к югу от Сток-Ньюингтона экипажи встали намертво, образовав изрядный затор. Я размеренно шагал вперед мимо извилистой ленты открытых колясок и кабриолетов, фаэтонов и повозок, почтовых карет и фургонов, пока не поравнялся с помехой. Потрепанный экипаж, запряженный одной-единственной лошастью, путешествующий в сторону Лондона, столкнулся с телегой пивовара, возвращавшегося из столицы. Оглобля переломилась пополам, и несчастная кляча теперь извивалась на земле, запутавшись в сбруе. Кучер экипажа размахивал пропитанным кровью кнутом прямо перед носом у возницы телеги, а вокруг них тем временем росла толпа сердитых пассажиров и любопытных зевак.

Примерно в сорока ярдах от места столкновения в очереди в сторону Лондона стояла карета, запряженная парой гнедых. Как только я заметил ее, у меня засосало под ложечкой, как от голода. Я уже видел этот экипаж — перед воротами школы Мэнор-хаус. На козлах восседал все тот же кучер, со скучающим видом глядя на происшествие.

Стекло было опущено, и в проеме окна виднелась мужская рука.

Я остановился и обернулся, притворившись, что меня интересуют столкнувшиеся экипажи, и более пристально рассмотрел карету. Насколько я видел, внутри сидел лишь один пассажир — мужчина, который встретился со мною взглядом, а потом опустил глаза, вернувшись к какому-то предмету, лежавшему на коленях. У него было вытянутое бледное лицо, даже чуть зеленоватое, с правильными красивыми чертами. Накрахмаленный воротничок доставал чуть ли не до ушей, а шейный платок ниспадал белоснежным водопадом. Пальцы на окне ритмично двигались, словно отмеряя время в неслышной мелодии. На указательном пальце красовалось массивное золотое кольцо с печаткой.

Лакей поспешно вернулся с места происшествия, протискиваясь сквозь толпу, и подошел к окну. Пассажир поднял голову.

— Лошадь упала, сэр, одна почтовая карета пострадала, а у телеги отлетело правое переднее колесо. Говорят, остается только ждать.

— Спроси-ка вон того парня, на что он так глазеет.

— Прошу прощения, сэр, — сказал я, и собственный голос показался мне тонким и гнусавым. — Я ни на что не глазею, как вы изволили выразиться, просто мне очень понравилась ваша карета. Прекрасный образец высокого мастерства!

Лакей уже навис надо мною, источая ароматы лука и темного пива.

— Тогда проваливай. — Он толкнул меня плечом и понизил голос: — Полюбовался — и хватит!

Я не двигался.

Кучер замахнулся кнутом.

Тем временем мужчина в карете посмотрел прямо на меня. На его лице не читалось ни злости, ни интереса. В воз-

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР
ЗАГАДКА ЭДГАРА ПО

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Светлана Федорова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-AB8-39154-01-R